

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).471-479

EDN RMMIIQ

К вопросу о природе прав человека с точки зрения типов правопонимания

Азиз Мусоевич Диноршоев*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе,
Республика Таджикистан**a.dinorshoh@msu.tj, <https://orcid.org/0000-0002-5699-4310>***Фарогат Фатхиддин Солехзода***Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан
farogat.solekhzoda.81@bk.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается проблема понимания прав человека в их взаимосвязи с типом правопонимания. В качестве основных подходов правопонимания выделяются юридический позитивизм, социологический позитивизм, теория естественного права и философское понимание права (либертарная теория права). Отмечается, что нормативистский подход предполагает непосредственную зависимость прав человека от воли государства; имеет значение не содержание права, а его формальное закрепление в законе. Социологический подход, также находящийся в рамках легистского направления правопонимания, в отличие от юридического позитивизма, связывает права человека не с государством, а с социальной жизнью как продуктом развития общества, и видит их существование не в законе, а в правоотношениях. Естественно-правовой подход к пониманию права рассматривается прежде всего как определенный этап развития представлений о праве. Права человека в этом контексте рассматриваются как выражение свободы выбора и действий человека, имея естественную природу. Однако в современном мире такие права должны получить формальное закрепление, отражая ценностный аспект права. Либертарная теория профессора В.С. Нерсисянца также отражает идею значения свободы для бытия права, отличаемого от закона, но признает наличие прав человека как естественных, так и зависящих от воли государства. Авторы приходят к выводу, что сущностные характеристики прав человека, вытекающие из содержания указанных типов правопонимания, в современном конституционном праве сформировали симбиозный подход, иными словами, современное представление о правах человека базируется на всех указанных типах правопонимания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

права человека, типы правопонимания, юридический позитивизм, социологический позитивизм, теория естественного права, либертарная теория

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Диноршоев А.М., Солехзода Ф.Ф. К вопросу о природе прав человека с точки зрения типов правопонимания // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 4. С. 471–479. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).471-479. EDN RMMIIQ

Original article

On the nature of human rights with regard to types of law understanding

Aziz M. Dinorshoev*Branch of Lomonosov Moscow State University in Dushanbe, Republic of Tajikistan
a.dinorshoh@msu.tj, <https://orcid.org/0000-0002-5699-4310>***Farogat F. Solekhzoda***Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
farogat.solekhzoda.81@bk.ru*

ABSTRACT

The article raises the problem of understanding human rights in their relationship with the type of law understanding. Legal positivism, sociological positivism, theory of natural law and philosophical understanding of law (libertarian theory of law) stand out as the main approaches of law. It is noted that the normative

© Диноршоев А.М., Солехзода Ф.Ф., 2023

approach involves the direct dependence of human rights on the will of the state; it does not matter the content of the right, but its formal consolidation in the law. The sociological approach, also within the framework of the legalist direction of law understanding, in contrast to legal positivism, connects human rights not with the state, but with social life, as a product of the development of society, and considers their existence not in law, but in legal relations. The natural law approach to understanding law is considered primarily as a definite stage in the development of ideas about law. Human rights in this context are considered as an expression of human freedom of choice and action, having a natural nature. However, in the modern world, such rights should be formally enshrined, reflecting the value aspect of law. The libertarian theory of Professor V.S. Nersesyants also reflects the idea of the meaning of freedom for the existence of a right that is different from the law, but recognizes the existence of human rights both natural and dependent on the will of the state. The authors conclude that the essential characteristics of human rights derived from the content of these types of law understanding in modern constitutional law have formed a symbiotic approach. In other words, the modern conception of human rights is based on all these types of law understanding.

KEYWORDS

human rights, types of law understanding, legal positivism, sociological positivism, theory of natural law, libertarian theory

FOR CITATION

Dinorshoev A.M., Solehzoda F.F. On the nature of human rights with regard to types of law understanding. *Akademicheskij yuridicheskij journal = Academic Law Journal*. 2023;24(4):471–479. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).471-479. EDN RMMIIQ

Введение

Одним из важнейших вопросов в процессе исследования проблематики эволюции прав человека является понимание сущности данной категории, т.е. определение существа взаимодействия личности, общества и государства. Как представляется, оно прежде всего зависит от типа правопонимания, научной категории, отражающей процесс и результат целенаправленной мыслительной деятельности человека, включающий в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как к целостному социальному явлению [1, с. 217].

В юридической науке сформировался в некоторой степени единообразный подход к пониманию природы прав человека, который опирается на основу их происхождения: естественные или приобретенные (позитивные). В основе такого различия лежат различные типы правопонимания. В.В. Лапаева, исходя из методологических критериев, подразделяет типы правопонимания на позитивистское и метафизическое понимание. В первую категорию она включает легистский, социологический и психологический типы правопонимания, а вторая категория охватывает естественно-правовой и либертарно-юридический подходы [2, с. 32]. Различие между этими двумя методологиями научного анализа В.В. Лапаева видит в приверженности к различным концепциям философской антропологии, т.е. для позитивистов человек значим как реально действующий субъект, чье поведение обусловлено фактическими социальными нормами, в то время как в основе метафизического правопонимания лежит представление о том, что «человек по

своей природе есть существо сверхчувственное, или метафизическое» [2].

Ряд авторов, исследуя данный вопрос, дают классификацию типов понимания права, исходя из предметной составляющей [3, с. 13; 4, с. 19; 5]. Они выделяют следующие виды: юридический позитивизм, социологический позитивизм, теория естественного права и философское понимание права (либертарная теория права).

Для уяснения конституционного регулирования конкретных прав и свобод граждан представляется важным рассмотреть их сущность в контексте понимания каждого из названных типов правопонимания.

Результаты исследования

Первый тип правопонимания, *юридический позитивизм*, рассматривает категорию прав человека как продукт объективного права, т.е. производный от воли государства. В рамках данного типа правопонимания права человека представляют собой совокупность норм, установленных или санкционированных государством, реализация которых обеспечивается принудительно [6]. В силу этого в научной литературе указывается, что «поскольку государство наделяет правами индивида, то оно и определяет сферу его свободы и, соответственно, может уточнять границы этой свободы по своему усмотрению» [4, с. 19]. А.А. Троицкая по этому поводу отмечает, что «если отождествлять право с системой норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных его принуждением, не акцентируя никаких содержательных его аспектов, то можно добиться большей формальной определенности в регули-

ровании общественных отношений, однако потерять при этом обязанность государства обеспечивать защиту субъективных полномочий личности, воздерживаясь от их чрезмерного ограничений или полной отмены» [4, с. 19].

Характеризуя данную концепцию, Н.В. Варламова отмечает, что «в рамках позитивистской интерпретации права его специфика заключается не в содержании норм, а в их принудительности, независимо от того, чем она обеспечивается — государственной властью, социальным признанием, психическим переживанием. Таким образом, юридический позитивизм демистифицировал право (что было присуще многим метафизическим естественно-правовым концепциям), но одновременно и лишил его содержательной специфики» [7]. Свою позицию данный автор сопровождает высказыванием Г. Кельзена: «...всякое произвольное содержание может быть правом. Не существует человеческого поведения, которое как таковое — в силу своего содержания — заведомо не могло бы составлять содержание правовой нормы» [8, с. 74].

Анализируя права человека с позиции юридического позитивизма, А.С. Туманова отмечает, что право является продуктом суверенной государственной власти, т. е. права человека «даруются» государством, носят октроированный характер [9]. Е.А. Лукашева считает, что «публичная власть, согласно данной доктрине, может как даровать те или иные права, так и произвольно их отнять. Осуществляя по отношению к человеку патерналистские функции, государственная власть определяет объем и содержание данных прав» [10, с. 11–13].

В свою очередь, таджикские исследователи Р.Ш. Сативалдыев [11], Б.А. Сафарзода [5] и А.М. Диноршоев [12], исследуя данный вопрос, отмечают, что позитивистская трактовка прав человека не берет во внимание связь прав индивида с естественными началами жизни общества, их объективное свойство. Права индивида связываются не с человеческой природой, а с государством. Исходя из этого, делают вывод, что в рамках позитивистской концепции права человека определяются как формально определенные, юридически гарантированные возможности пользоваться социальными благами в описанной законом сфере, так и официальная мера возможного и должного поведения.

Помимо октроированности и принудительности прав человека, большинство авторов выделяют и такую особенность юридического позитивизма в контексте прав человека, как их

обусловленность обязанностям человека, т. е. об однопорядковости категорий «права» и «обязанности» [9]. Иными словами, права человека — это не свобода поведения индивида, а его общественная обязанность. Данная позиция широко позиционировалась в рамках советского подхода к пониманию прав человека, при которой октроированность прав и свобод человека ставилась в зависимость от выполнения обязанностей (ответственностью перед обществом, потребностью укрепления социалистического строя, социальными функциями и др.) [13].

Следующим типом правопонимания является *социологический позитивизм*, который большинством авторов определяется, как «система реальных социальных отношений, возникающих в различного рода объединениях людей, либо создаваемых решением судебных и административных органов, имеющих юридические последствия» [9]. Как отмечает М.В. Антонов, «это направление сводится к попытке понять и объяснить право, как функцию социальной жизни. При этом такое объяснение нацелено не столько на выявление сущности права, сколько на анализ форм и функций правового регулирования в социальном общении, на установлении связи между правовыми регуляторами и другими социальными явлениями» [14, с. 155].

Главной отличительной особенностью данного типа правопонимания от юридического позитивизма заключается в том, что первоосновой права в данном подходе выступает не закон, а правоотношение. Второй отличительной особенностью является то, что в рамках социологического позитивизма сила правовых предписаний связывается не с волей государства, а с закономерностями развития общества. Сторонники данного подхода считают, что «право это реальный порядок общественных отношений, которые облачаются в законодательные нормы, в которых определяются правила поведения. Именно данных правил придерживаются люди в своих взаимоотношениях, и тем самым в процессе реализации дают жизнь праву» [15]. Тем самым право и его общеобязательность производны не от государства, а от общества.

Исходя из этого, можно определить основные идеи данного подхода. Во-первых, в рамках социологического позитивизма понятия «право» и «закон» разделяются. Право — это сфера сущего, тогда как закон — сфера должного поведения. Иными словами, право находит свое отражение в процессе реализации, а не регламентации. Во-вторых, право, как форма правореализацион-

ной деятельности, выражается в осуществлении конкретных юридических действий, на основе которой формируется правоприменительная практика, т. е. право выражается в реальном поведении субъектов правоотношений. В-третьих, субъектом формирования права становится не законодатель (как в юридическом позитивизме), а правоприменители в процессе юрисдикционной деятельности (как правило, судьи), — они воплощают в законе право, когда выносят по судебному делу решения, выступая тем самым субъектами правотворчества.

Анализируя соотношения юридического и социологического позитивизма, А.С. Туманова утверждает, что «несмотря на расхождения между указанными типами понимания права, они тесно связаны между собой, ввиду чего они и характеризуются как две разновидности позитивизма — юридического и социологического. Их объединяет в первую очередь реальное, применимое на практике понимание права. Специфика права усматривается представителями данных типов правопонимания в его принудительности, которая обеспечивается либо государственной властью, либо социальным признанием. Между тем для юридического позитивизма право представляет собой в основном закон, тогда как для социологического позитивизма — в основном решения судебных и административных органов, а также складывающиеся в различных видах объединений людей правила и отношения, имеющие юридические последствия» [9].

Большинство отечественных и зарубежных авторов отмечают, что социологический тип правопонимания оказал серьезное воздействие на современную интерпретацию прав человека и, в частности, на их конституционно-правовую регламентацию. По мнению В.Е. Чиркина, «необходимо преодолеть разрыв в толковании естественных и позитивных прав, исключить из законодательства первую категорию как имеющую лишь историческое и идеологическое значение и создать общую концепцию прав человека, производных не от рождения и не от государства, а от общества» [16, с. 52]. В этом контексте в отечественной и зарубежной литературе обосновывается идея о том, что современные конституционные формулировки так или иначе уже вобрали в себя естественно-правовые начала прав человека и осуществили переход к признанию их государством, которое выражается в гарантированности этих прав в строго определенном юридическом смысле [4, с. 20]. Так, А.М. Диноршоев, исследуя вопрос о конституционной регламентации прав человека

в Таджикистане, сделал вывод о том, что «Конституция Республики Таджикистан, признавая естественно-правовую концепцию прав и свобод человека, придала ей позитивный характер. Исходя из этого, подобная конституционная регламентация прав человека может быть определена, как гуманистическая концепция прав человека» [12]. Схожая позиция высказана Б.А. Сафарзада [5], А.Г. Холикзода [17].

Ряд российских авторов отмечают, что «в рамках такого подхода происходит отказ и от понимания прав человека как некоего естественного феномена, характеризующего исключительно в оценочных (моральных) категориях, и от установления тождества между правами и государственной волей, поскольку права рассматриваются как продукт развития общества, отражение идей, сложившихся в условиях определенного социального бытия и включаемых, в качестве таковых в тексты конституций, которые создаются не государственной волей, а учредительной властью. В таком понимании права человека представляют собой возможности, воспринимаемые не только отдельными индивидами, но и на уровне общества в целом как подлежащие защите и приобретающие правовой характер в результате закрепления в конституции как нормативном правовом акте, который обладает высшей юридической силой и верховенством и связывает равным образом всех субъектов права, в том числе государство» [4, с. 19]. В частности, А.А. Троицкая подчеркивает, что «существование такого инструмента, как конституция, позволяет перевести приведенный подход в юридическую плоскость, поскольку именно конституция, с одной стороны, отражает имеющиеся в обществе представления о необходимой мере свободы индивида, а с другой — вводит гарантии защиты этой меры свободы индивида, в том числе и от посягательств со стороны самого общества или его представителей (жесткий порядок изменения конституции, конституционный контроль и т. д.) [4].

Таким образом, трактовка социологического позитивизма как типа правопонимания в контексте прав человека опирается не на регламентацию прав человека, а на процесс их реализации, которые должен быть обеспечен набором правозащитных механизмов. Иными словами, сформированный в историческом развитии каталог прав человека, который закреплен на конституционном уровне государством, должен быть обеспечен управомоченными государственными субъектами. Именно в этом заключается главенствующая роль государства.

Следующим типом правопонимания является *теория естественного права*. Данный подход опирается на общечеловеческие нормы нравственности, он формировался в период, когда в приоритете были вопросы сохранения и защиты человеческого достоинства, справедливости и равенства. На данный момент данный тип нашел свое конституционно-правовое отражение в виде ценностного подхода, т. е. признание прав человека в качестве основной ценности государства.

Как отмечает А.А. Троицкая, «данный подход сыграл огромную роль в истории становления прав человека и гражданина. С его помощью была обоснована идея связанности государства этими правами. Исторически благодаря данной теории в развернутом виде были обоснованы и ныне сохраняющиеся конструкции организации и функционирования публичной власти, призванной не допустить посягательства на права человека» [4, с. 19].

Исследуя данный тип правопонимания через призму прав человека, отечественные и зарубежные авторы сходятся во мнении, что его суть заключается в приоритете личности, ее автономии и индивидуальности. А.М. Диноршоев ранее высказывал точку зрения, что «суть данной концепции состоит в понимании прав человека как выражения свободы выбора и действий человека. Свобода каждого человека, которая исключает посягательство на нее с чьей бы то ни было стороны, представляет собой высшую ценность, которая дана ему свыше самой природой или Богом. Такая свобода и есть высшая справедливость, исходящая от них. И только создатели этой ценности могут определять границы свободы человека и критерии справедливости» [18, с. 295]. Л.В. Воеводин в данном контексте отмечает, что «государство не создает и не дарует, а признает уже существующие права, имеющие источником природу самого человека» [19, с. 64–65]. Е.А. Лукашева, в свою очередь, считает, что «данная доктрина нацелена на то, чтобы ограничить притязания государства по своему усмотрению определять объем прав и свобод человека, не считаясь при этом с необходимым для нормальной жизнедеятельности индивида набором прав, которые объективно присущи ему от рождения и являются неотъемлемыми, неотчуждаемыми и независимыми от воли государства» [10, с. 11–13].

Авторы также отмечают, что до современного восприятия данная концепция прошла долгий эволюционный путь, который условно подразделяется на четыре этапа — рабовладельческий (римский) период, феодальный период, буржуаз-

ный период (эпоха Просвещения) и современный период. Возникнув в период рабовладельческого строя, она активно применялась в повседневной жизни граждан (особенно в республиканском Риме); в период феодализма данная концепция трансформировалась в угоду интересам церкви; и своего наивысшего прогресса добилась в эпоху Просвещения, став первоосновой для формирования нового типа взаимоотношений между человеком и государством. На последнем этапе данный подход получил свое международно-правовое и конституционное закрепление, выступив в качестве основных стандартов в области прав человека [20, с. 48–59; 21, с. 9; 18].

Исследуя природу типов и концепций прав человека, А.С. Туманова считает, что «в своих построениях естественно-правовая доктрина исходит из начальной посылки, что существует некая система норм взаимоотношений между людьми, которая отличается от системы норм, установленных государством. Нормы, установленные государством, получили в данной доктрине название позитивного права. Естественное право, в соответствии с этой теорией, значимо само по себе. Оно предшествует позитивному праву и, в случае расхождения с последним, имеет безусловное превосходство» [9].

Именно данный аспект вызывает множество споров относительно естественного восприятия прав человека. По мнению А.А. Троицкой, «данный подход, связывающий идею неприкосновенности и защиты основных прав с неправовыми явлениями (природой, моралью, религией и т.д.) имеет хорошо известные недостатки, не последним из которых является отсутствие определенности в разрешении конфликтов» [4, с. 19]. В свою очередь, В.В. Лапаева замечает, что «судебная практика, не получая от естественно-правовой доктрины четких теоретических ориентиров, может выйти в своих решениях за рамки правового поля. Ведь было бы наивным думать, что хорошая теория может стать надежной гарантией против злоупотреблений со стороны практики. Естественно-правовая доктрина не дает таких критериев, предоставляя правоприменительному органу возможность усмотрения в этом принципиальном для права вопросе, чреватую произволом» [2, с. 120].

Исходя из этого, в науке отмечается, что естественные права должны получить формально-правовое закрепление для того, чтобы они могли быть реализованы и защищены. Ф.Т. Тохиров убежден, что «естественные права приобретают позитивный характер, будучи трансформиро-

ванными в разные формы нормативно-правовых актов. Такие естественные права, закрепленные в Конституции страны и других комплексных и отраслевых правовых актах, становятся составной и действующей частью национальной правовой системы нашей страны» [22, с. 110]. В этом контексте следует согласиться с позицией В.В. Лапаевой: «то обстоятельство, что права и свободы человека, закрепленные в международных договорах и позитивированные в конституциях большинства государств, стали критерием правового начала для национальных систем позитивного права, говорит лишь о том, что международное сообщество выработало систему эмпирических индикаторов, позволяющих оценивать правовое качество национального законодательства. Но это именно эмпирические индикаторы для оценки позитивного права с помощью позитивированных норм конвенционально установленно-го или фактически сложившегося естественного права, а не теоретический критерий, на основе которого можно было бы оценить в том числе и сами нормы естественного права» [2, с. 119].

Таким образом, естественно-правовой тип понимания прав человека на современном этапе выступает в качестве базы для формирования идей о правах человека, которые должны быть позитивированы со стороны государства с целью их обеспечения и защиты.

Заключительным типом правопонимания прав человека является *либертарная теория понимания прав человека*, разработанная российским юристом В.С. Нерсисянцем. Основу данного подхода составляет идея подчеркнутого значения свободы для бытия права, отличающегося от закона, т. е. право — это форма свободы людей [23, с. 23]. Иными словами, «право — это не просто форма свободы, но единственно возможная форма бытия и выражения свободы в общественной жизни, что понимание права как формы свободы — это инструмент познания всего многообразия правовых (и, соответственно, неправовых и антиправовых явлений) и что свобода — главная ценность и ориентир правового развития общества» [2, с. 125].

Исследуя данную теорию, ряд авторов отмечают, что она «исходит из отождествления права и прав человека, т. е. право трактуется как нормативно выраженная свобода, равная для всех членов общества. Совокупность прав человека составляет объем правовой свободы, который признается необходимым для каждого субъекта права. Права человека представляют собой социально значимые притязания на определенную меру свободы,

которые совместимы с принципом формального равенства» [24, с. 19–21; 25, с. 5–8]. В свою очередь, Б.А. Сафарзода заключает, что «суть данной теории заключается в единстве трех компонентов: справедливости, свободы и единой, общей для всех равной меры регуляции общественных отношений. При этом справедливость становится единственно возможным способом отвержения привилегий и утверждения свободы. В ходе формализации закона в рамках либертарной концепции определяется его государственно-властная общеобязательность» [15]. Н.В. Варламова же подчеркивает, что в рамках данной теории «права человека рассматриваются как притязания исключительно на свободу — возможность самостоятельно (без внешнего принуждения) определять свое поведение, а также на защиту своей свободы от нарушений со стороны частных лиц и органов публичной власти» [26, с. 111].

В разрезе исследования либертарной теории интересна позиция А.А. Троицкой, которая считает, что «авторы, развивающие данный подход, особым образом очерчивают круг прав человека, поскольку ассоциируют их напрямую только с негативным статусом (свободой от вмешательства) и выделяют, помимо прав, притязания, находящиеся в плоскости ожиданий позитивных действий со стороны государства, — притязания на социальное обеспечение, достойный уровень жизни и т. д.» [4, с. 19]. В таком понимании юридические возможности личности разбиваются на заметно различающиеся элементы — права человека (выражающие его свободу от вмешательства, ассоциируемые с *естественным* проявлением его природы и обладающие подлинной регулятивной силой) и иные притязания (производные от *позитивных* установлений государства либо общества) [4, с. 19]. По утверждению Н.В. Варламовой, «притязания не подлежат обеспечению в рамках политического сообщества, — они не рассматриваются в одном ряду с правами человека в силу того, что не являются естественными и необходимыми проявлениями его природы. Их обеспечение находится в зависимости от социально-исторического контекста — социального признания, моральной оправданности, экономической возможности, социально-политической целесообразности и т. п. Различные блага, являющиеся предметом этих притязаний, октроируются государством и обществом, т. е. предоставляются по их усмотрению» [26, с. 111].

Таким образом, в трактовке либертарной теории права человека подразделяются на две категории. Это деление, а также ряд других аспектов

данной теории (определение формального и абстрактного равенства, отрицание морали, обычаев и традиций) вызывают серьезную критику в научной среде. И.Н. Тяпин критикует сторонников данной теории за то, что они наделяют все неправовые сферы (мораль, нравственность, религия) и присущие им способы и нормы регуляции ограничительным характером, неспособным должным образом обеспечить права человека [27]. Оппонентами также отмечается, что определения права в этой концепции оторваны от действительности, не учитывают существенной роли норм права, роли государства в формировании права [27].

В практическом применении, на наш взгляд, данные позиции имеют серьезные основания. Вопросы морали, соблюдение обычаев и традиций существенным образом сказываются на реализации прав человека. Право в чистом виде не может абстрагироваться от нравственных норм. В этом разрезе следует согласиться с позицией отечественного исследователя Н.А. Тохировой, которая отмечает, что «Конституция отдает центральное значимое место и роль непосредственно человеку, признав его права и свободы высшей ценностью. Понятие «высшая ценность» не является правовой категорией, поскольку обладает нравственным характером. Но при этом, когда она фиксируется и предусматривается непосредственно правовыми нормами, то превращается в юридическую категорию, так как приобретает обязательный характер для признания, соблюдения и обеспечения ее реализации» [28, с. 176].

Нам также хотелось бы обратить внимание на второй дискуссионный аспект данной теории, а именно деление прав человека непосредственно на права (свободу) и притязания. Последние на современном этапе вызывают серьезную обеспокоенность. Как отмечают таджикские авторы, сегодня происходит серьезная трансформация социальных ценностей, интересы и потребности потребительского общества все больше проникают в жизнь человека. В результате все чаще формируется девиантное поведение лиц, которые,

опираясь на свои притязания, требуют от государства признания и правового закрепления своих потребностей. Иными словами, хотят придать своим притязанием форму прав человека. Тем самым они меняют устоявшуюся систему традиционных ценностей, что отрицательно сказывается на уровне культурно-духовного развития народов, их идентичности и национальном самосознании. В этом контексте следует согласиться с позицией А.Г. Холикзода: «события, происходящие в современном мире, преподносятся как положительные элементы для функционирования государства, но по факту являются отрицательными факторами, которые оказывают негативное влияние на стабильное функционирование национальных государств» [17]. В частности, если однополые браки стали нормой для ряда стран Европы и США, это не означает, что и другие культурные общности должны его принимать [12].

В то же время, оценивая возможность применения либертарной теории прав человека в качестве основы законодательства и правоприменительной практики в Республике Таджикистан, полностью согласимся с позицией Б.А. Сафарзода о том, что «это малосочетаемые понятия» [5].

Выводы

Подводя итог изложенному, отметим, что сущностные характеристики прав человека, вытекающие из содержания указанных типов правопонимания на сегодняшний день в конституционном праве различных государств, сформировали симбиозный подход, т.е. современное представление о правах человека базируется на всех указанных типах правопонимания. Современная конституционная регламентация прав человека включает в себя гуманистические представления о положении личности в обществе и государстве (естественный подход), социокультурное измерение действия правовых институтов (социологический позитивизм), нормативное (регулирующее) значение формально определенных установлений (юридический позитивизм).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леушин В.И. Понятие, сущность и социальная ценность права / В.И. Леушин, В.Д. Перевалов // Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. — Москва : Инфра-М, 1998. — 235 с.
2. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография / В.В. Лапаева. — Москва : Российская академия правосудия, 2012. — 577 р.
3. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? / О.В. Мартышин. — EDN OWFOQD // Государство и право. — 2003. — № 6. — С. 13–21.
4. Конституционное право. Общая часть : учебный курс : в 2 кн. / А.М. Арбузкин, Н.А. Богданова, А.А. Троицкая и др. — Москва : Зерцало-М, 2022. — Кн. 2. — 364 с.
5. Сафарзода Б.А. Международные стандарты в области прав человека: история и современность / Б.А. Сафарзода; отв. ред. Ф.Т. Тахиров. — Душанбе, 2016. — 345 с.

6. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. — Москва, 2004. — 389 с.
7. Варламова Н.В. Юридический позитивизм и права человека / Н.В. Варламова. — EDN IPKPSD // Общественные науки и современность. — 2008. — № 1. — С. 156–166.
8. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. Вып. 2 / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. — Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 1988. — 213 с.
9. Туманова А.С. Права человека в различных типах правопонимания / А.С. Туманова // Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века / А.С.Туманова, Р.В.Киселев. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — С. 58–74.
10. Общая теория прав человека / В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин [и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. — Москва : Норма, 1996. — 509 с.
11. Сативалдыев Р.Ш. Теория государства и права : учебник / Р.Ш. Сативалдыев. — Душанбе : Империял-групп, 2014. — 720 с.
12. Диноршоев А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А.М. Диноршоев. — Москва, 2015. — 46 с.
13. Варламова Н.Ю. Позитивистские трактовки прав человека / Н.Ю. Варламова // Права человека и современное государственно-правовое развитие / отв. ред. А.Г. Светланов. — Москва, 2007. — С. 249–271.
14. Антонов М.В. История правовой мысли России : конспект лекций / М.В. Антонов. — Санкт-Петербург : НИУ ВШЭ. — Санкт-Петербург, 2011. — 212 с.
15. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А.В. Поляков. — Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — 863 р.
16. Чиркин В.Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты / В.Е. Чиркин. — EDN TKSPTX // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 50–57.
17. Холикзода А.Г. Права человека и конституционно-правовое развитие Таджикистана / А.Г. Холикзода, Дж.З. Маджидзода, Р.С. Одиназода. — Душанбе, 2019. — 488 р.
18. Диноршоев А.М. Формирование прав человека в Таджикистане: история и современность / А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров. — Волгоград, 2014. — 295 с.
19. Воеводин Л.В. Юридический статус личности в России / Л.В. Воеводин. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. — 298 с.
20. Бадалянц Ю.С. Права человека / Ю.С. Бадалянц. — Рязань : Акад. права и упр. Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. — 424 с.
21. Ковалев А.А. Международная защита прав человека / А.А. Ковалев. — Москва : Статут, 2013. — 589 с.
22. Тахиров Ф.Т. Актуальные проблемы истории и теории государства и права в условиях государственной независимости Республики Таджикистан / Ф.Т. Тахиров. — Душанбе : Дониш, 2009. — 369 с.
23. Нерсесянц В.С. Философия права : учебник / В.С. Нерсесянц. — Москва : Норма, 2005. — 656 с.
24. Графский В.Г. Основные концепции права и государства в современной России : (по материалам «круглого стола» в центре теории и истории права и государства ИГП РАН) / В.Г. Графский. — EDN OPUSPR // Государство и право. — 2003. — № 5. — С. 5–33.
25. Четвернин В.А. Современная либертарно-юридическая теория / В.А. Четвернин // Ежегодник либертарно-юридической теории / под ред. В.А. Четвернин. — Москва, 2007. — Вып. 1. — С. 4–12.
26. Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека / Н.В. Варламова. — EDN XZJAWL // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13, № 4. — С. 83–124.
27. Тяпин И.Н. Либертарная «философия права» как инструмент кризиса общественного сознания и социальной системы в России / И.Н. Тяпин. — EDN VVHYXN // Философия и общество. — 2015. — № 1-2(76). — С. 116–139.
28. Диноршоев А.М. Краткая характеристика прав человека как конституционной ценности / А.М. Диноршоев, Н.А. Тохирова. — EDN ESSOSG // Конституционные ценности и ценность конституции : сб. статей. — Душанбе, 2020. — С. 171–177.

REFERENCES

1. Leushin V.I., Perevalov V.D. The concept, nature and social value of law. In Korelskii V.M., Perevalov V.D. (ed.). *Theory of state and law*. Moscow, Infra-M Publ., 1998. 235 p.
2. Lapaeva V.V. *Types of law understanding: legal theory and practice*. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2012. 577 p.
3. Martyshin O.V. Can the Main Types of Understanding of Law Be Compatible. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2003, no. 6, pp. 13–21. (In Russian). EDN: OWFOQD.
4. Arbuzkin A.M., Bogdanova N.A., Troitskaya A.A. [et al.]. *Constitutional Law*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2022. Book 2. 364 p.
5. Safarzoda B.A.; Takhirov F.T. (ed.). *International Human Rights Standards: History and Modernity*. Dushanbe, 2016. 345 p.
6. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge, Harvard University Press, 1978. 396 p. (Russ. ed.: *Taking Rights Seriously*. Moscow, 2004. 389 p.).
7. Varlamova N.V. Legal Positivism and Rights of Human Being. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Science and Modernity*, 2008, no. 1, pp. 156–166. (In Russian). EDN: IPKPSD.

8. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Berkeley, University of California Press, 1967. 256 p. (Russ. ed.: Kudryavtsev V.N., Razumovich N.N. (eds.). *The Pure Doctrine of the Law of Hans Kelsen*. Moscow, Institute for Scientific Information on Social Sciences Publ., 1988. 213 p.).
9. Tumanova A.S. Human rights in different types of law understanding. Tumanova A.S., Kiselev R.V. *Human Rights in the Legal Thought and Law Making of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century*. Moscow, HSE Publishing House, 2011. pp. 58–74.
10. Kartashkin V.A., Kolesova N.S., Larin A.M. [et al.]; Lukasheva E.A. (ed.). *General theory of human rights*. Moscow, Norma Publ., 1996. 509 p.
11. Sativaldyev R.Sh. *Theory of state and law*. Dushanbe, Imperial-grupp Publ., 1996. 509 p.
12. Dinorshoev A.M. *Constitutional bases for the regulation and implementation of human and civil rights and freedoms in Tajikistan. Doct. Diss.* Moscow, 2015. 46 p.
13. Varlamova N.Yu. Positive interpretations of human rights. In Svetlanov A.G. (ed.). *Human rights and modern State legal development*. Moscow, 2007. pp. 249–271.
14. Antonov M.V. *History of Russian legal thought*. Saint Petersburg, NIU VSHEH Publ., 2011. 212 p.
15. Polyakov A.V. *General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach*. Saint Petersburg, Saint Petersburg university Publ., 2004. 863 p.
16. Chirkin V.E. Modern Model of Constitution: Former and New Priorities. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2003, no. 2, pp. 50–57. (In Russian). EDN: TKSPTX.
17. Kholikzoda A.G., Madzhidzoda Dzh.Z., Odinzoda R.S. *Human rights and constitutional and legal development of Tajikistan..* Dushanbe, 2019. 488 p.
18. Dinorshoev A.M., Safarov B.A. *Formation of human rights in Tajikistan: history and modernity*. Volgograd, 2014. 295 p.
19. Voevodin L.V. *Legal status of a person in Russia*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1997. 298 p.
20. Badal'yants Yu.S. *Human rights*. Ryazan, The Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia Publ., 2006. 424 p.
21. Kovalev A.A. *International protection of human rights*. Moscow, Statut Publ., 2013. 589 p.
22. Takhirov F.T. *Actual problems of history and theory of the state and law in the conditions of state independence of the Republic of Tajikistan*. Dushanbe, Donish Publ., 2009. 369 p.
23. Nersesyants V.S. *Philosophy of law*. Moscow, Norma Publ., 2005. 656 p.
24. Grafskij V.G. Main Conceptions of Law and State in Modern Russia (On the “Round Table” Materials in the Center of Theory and History of Law and State of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2003, no. 5, p. 5–33. (In Russian). EDN: OPUSPR.
25. Chetvernin V.A. Modern libertarian legal theory. Chetvernin V.A. (ed.). In *Yearbook of libertarian law theory*. Moscow, 2007. Iss. 1. pp. 4–12. (In Russian).
26. Varlamova N.V. Fundamental Unity of Law and Human Rights. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 83–124. (In Russian). EDN: XZJAWL.
27. Tyapin I.N. Libertarian «philosophy of law» as an instrument of crisis of public consciousness and social system in Russia. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2015, no. 1-2, pp. 116–139. (In Russian). EDN: VVHYXN.
28. Dinorshoev A.M., Tokhirova N.A. Brief Description of Human Rights as a Constitutional Value. *Constitutional values and the value of the Constitution. Collected Papers*. Dushanbe, 2020, pp. 171–177. (In Russian). EDN: ESSOSG.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Азиз Мусоевич Диноршоев — первый заместитель, заместитель исполнительного директора по науке, инновациям и международному сотрудничеству. Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. 734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Бохтар, 35/1.

Фарогат Фатхиддин Солехзода — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2. Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан. 734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Мостонгулова, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aziz M. Dinorshoev — first deputy, deputy executive director for science, innovation and international cooperation. The branch of the Lomonosov Moscow State University in Dushanbe. 35/1, Bohtar St., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734003.

Farogat F. Solekhzoda — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Faculty No. 2. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 3, Mirzo Mastongulova St., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734024.

Поступила в редакцию / Received 15.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised 09.11.2023

Принята к публикации / Accepted 18.12.2023